

Э.Э.Шульц

К ВОПРОСУ О МАЛЬТУЗИАНСКОЙ ЛОВУШКЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РОСТЕ КАК ПРИЧИНАХ РАДИКАЛЬНЫХ ФОРМ МАССОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Ключевые слова: мальтузианская ловушка, структурно-демографическая теория, радикальные формы массового социального протеста

Изучение радикальных форм массового социального протеста, несущих в себе серьезную угрозу для политических систем, не утрачивает своей актуальности для политической науки. Особый интерес представляют причины подобных протестов, поскольку их выявление позволяет прогнозировать обострение ситуации и блокировать протест еще до вступления его в активную фазу. В настоящей статье мы рассмотрим два подхода к объяснению истоков этого явления, возникших еще в XIX в., но получивших второе дыхание в последние десятилетия. Речь идет о (нео)мальтузианстве и структурно-демографической теории. Обе эти концепции имеют общую базу, постулируя невозможность повышения благосостояния вследствие демографического роста, с которым не справляется экономика.

К радикальным формам массового социального протеста можно отнести массовые антиправительственные выступления, сопровождающиеся столкновениями с силами правопорядка, восстание, революцию и, наконец, гражданскую войну. Поскольку выше был использован термин «революция» и различные революции будут рассматриваться нами и далее, следует сразу оговорить один момент. При том что революции представляют собой сложные политические и социальные явления, которые нельзя определить через отдельные их составляющие¹, любая революция обязательно включает в себя три компонента: социальный протест (в различных формах), государственный переворот и кардинальные реформы в обществе. В данной работе нас будут интересовать причины возникновения радикального протеста в рамках революций, а не причины самих революций.

Корректно говоря, сам Томас Мальтус имеет довольно слабое отношение к экономической модели, получившей его имя. Вообще, мальтузианством называют демографическую теорию, согласно которой население растет значительно быстрее, чем производство необходимых для его содержания ресурсов. По Мальтусу, население, если его рост

¹ Подробнее в данном контексте см. Шульц 2016: 113–114, 171–217.

ничем не сдерживается, увеличивается в геометрической прогрессии, в то время как производство продуктов питания — в арифметической, что неминуемо ведет к голоду и социальным потрясениям (в связи с чем ученый призывал к контролю над ростом населения)². Ключевые положения концепции Мальтуса:

² Мальтус 1895: 10, 13—16, 22.

- «1. Количество народонаселения неизбежно ограничивается средствами существования.
2. Народонаселение неизменно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только оно не будет остановлено явными и могущественными препятствиями.
3. Эти особые препятствия, точно так же как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают население к уровню средств существования, могут быть сведены к следующему трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью»³.

³ Там же: 33—34.

Заемствованный из этой концепции принцип зависимости народонаселения от производительных возможностей социума лег в основу известной социально-экономической модели доиндустриальных обществ, в соответствии с которой увеличение производства продуктов питания в подобных обществах сводится на нет увеличением численности населения, поэтому в долгосрочной перспективе там не происходит ни роста производства продуктов питания на душу населения, ни повышения уровня жизни людей, большинство которых влачит полуголодное существование. Перспектива выхода из так называемой мальтузианской ловушки открывается только в процессе модернизации, которая, в свою очередь, усиливает опасность социальных потрясений — революций, гражданских войн и т.д.⁴

⁴ См. Turchin, Korotayev 2006: 112—147; Гринин и др. 2009: 134—210.

Необходимо, однако, учитывать, что, как справедливо отмечает Франсуа Крузе, полностью удовлетворительной теории функционирования доиндустриальных экономических систем на сегодняшний день нет и мальтузианская модель — лишь одна из возможных, получившая популярность на определенном этапе⁵. Выдвижение на первый план мальтузианской ловушки как принципа, детерминировавшего экономическое развитие до XIX в., чревато упрощением истории. Так, например, в своей «Краткой экономической истории мира» Грегори Кларк утверждает, что «средний человек в 1800 году жил не лучше, чем за 100 тыс. лет до н.э. <...> Качество жизни также не возросло ни в каком из ощутимых отношений. Продолжительность жизни в 1800 году была не больше, чем у охотников и собирателей: 30—35 лет. Средний рост — показатель качества питания, а также заболеваемости среди детей — в каменном веке был выше, чем в 1800 году. И если первобытные люди были способны удовлетворить свои материальные потребности, приложив к тому совсем немного усилий, то англичане 1800 года могли обеспечить себе скромный комфорт лишь путем неустанный труда»⁶. Это, конечно, нонсенс. При описанном положении дел остается только удивляться, как человечество выжило и смогло совершить промышленную революцию и создать капиталистическую экономику. Такой поворот

⁵ Crouzet 2001: 87.

⁶ Кларк 2012: 14—15.

событий иногда объясняют целенаправленным ограничением рождаемости в Европе в позднее Средневековье, что способствовало росту благосостояния⁷, но подобное объяснение выглядит неубедительным.

⁷ Коротяев 2003: 194.

Во-первых, по мере исторического развития человек тратил на добывание пропитания все меньше времени и сил, что, собственно, и стало залогом прогресса. При этом как раз начало индустриальной эпохи сопровождалось увеличением времени, затрачиваемого на работу в городах. В Европе XIX в. данный сдвиг ощущался особенно остро — отсюда, кстати говоря, и выводы Карла Маркса об эксплуатации и его трактовка пролетариата как класса рабов, которым нечего терять, кроме своих цепей. Во-вторых, как верно подметил Жан Бодрийяр, «все общества всегда расточали, разбазаривали, расходовали и потребляли сверх строго необходимого в силу той простой причины, что только в потреблении излишка, избытка индивид, как и общество, чувствует себя не только существующим, но и по-настоящему живущим»⁸. В-третьих, в условиях отсутствия эффективных противозачаточных средств решение не производить потомство, какие бы соображения за ним ни стояли, включая потенциальную нехватку продовольствия, было очень трудно воплотить в жизнь (и это даже не учитывая церковного запрета на аборт и контрацепцию). В-четвертых, именно существенный рост населения между XI и XVIII вв. (с 40 до 200 млн) дал толчок развитию торговли и росту производства в Западной Европе⁹.

⁸ Бодрийяр 2006: 67.

⁹ Crouzet 2001: 10, 88.

Положив в основание идеи Мальтуса и опираясь на работы немецкого ученого Вильгельма Абея, обнаружившего в истории Европы демографические циклы, в рамках которых рост населения приводил к повышению цен и снижению заработной платы, а сокращение — к обратным процессам¹⁰, Джек Голдстоун выдвинул гипотезу, согласно которой демографический фактор и волны демографического роста были причинами революций и радикальных форм массового социального протеста в Европе. Так, первая из таких волн, пришедшихся на Новое время, породила Нидерландскую и Английскую революции; вторая — крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачева, Великую французскую революцию, Июльскую революцию 1830 г., революции 1848—1849 гг. и т.д.; тогда как в период 1660—1760 гг., когда демографическая ситуация ухудшалась, имели место лишь отдельные социальные выступления¹¹. Аргументируя свою позицию, Голдстоун ссылаясь на то, что аграрные государства Нового времени не могли справиться с постоянным ростом населения, ибо уровень плодородия земли просто не позволял прокормить такое количество людей (что и вызывало социальные возмущения), однако позднее он расширил свои выводы и стал рассматривать рост населения как бомбу замедленного действия и применительно к современной цивилизации¹².

¹⁰ Abel 1934, 1935.
См. также
Нефедов 2010: 12.

¹¹ Goldstone 1991: 2—3.

¹² Ibid.: 2—3, 27, 31, 419—421;
Goldstone 2010: 31.

В качестве теоретического постулата и абстрактной экономической модели тезис о том, что экономический рост «съедается» ростом населения (при общем увеличении валового внутреннего продукта ВВП на душу населения может падать), вполне состоятелен. Но при попытке

использовать его как основу для далеко идущих выводов, особенно связанных с массовым социальным протестом, возникает множество вопросов. Большинство этих вопросов касается и концепции Голдстоуна.

Во-первых, вследствие демографического роста в Средние века население перемещалось в города, что, собственно, и создало городскую цивилизацию. Во-вторых, этот рост позволял высвободить часть людей из производственного цикла, тем самым стимулировав развитие иных сфер — науки, искусства и т.п. В-третьих, благодаря наличию «излишка» военные потери не ставили под вопрос выживание популяции, что открывало возможность захватнических войн и грабительских набегов. Так обстояло дело, например, у скандинавских народов в эпоху викингов, добыча от военных походов которых с лихвой перекрывала условный доход на душу населения в обычных экономических условиях. В-четвертых, нехватка земли и продовольствия неминуемо должна была вести к освоению новых территорий, однако в классические и поздние Средние века подобного рода экспансии почти не происходило, а колонизационный процесс Нового времени (Северная и Южная Америка, Сибирь) был связан не столько с низким уровнем жизни, недостатком продовольствия и желанием обрести новые пригодные для обработки земли, сколько с тягой к «вольнице», стремлением к быстрой и легкой наживе за счет аборигенов, к получению социального статуса и т.д. Наконец, только способность общества производить избыточный продукт позволяет содержать людей, не занятых в производстве. Если средневековая Европа жила на грани голода, расцвет культуры в XIII—XV, а затем в XVII вв. не поддается объяснению.

Чума середины XIV в. унесла огромное количество жизней, и оправиться от ее последствий Европа смогла только к XVI в.¹³ «С открытием Америки население Европы... начало уменьшаться из-за такого фактора, как эмиграция. Стала гуще сеть городов. Этот подъем обрывается к концу XVI века и переходит в кризис XVII века, обусловленный Тридцатилетней войной, новой эпидемией чумы и все чаще случающимися продовольственными кризисами»¹⁴. Таким образом, о перенаселенности Европы до 1800 г. (условная дата перехода от доиндустриальной к индустриальной эпохе и прорыва мальтузианской ловушки) говорить не приходится. Европа никогда не была перенаселена в том смысле, который вкладывается в это понятие сегодня. Конечно, в те или иные исторические эпохи сами люди вполне могли считать, что народу стало больше, а свободного пространства меньше, но это отражение психологических особенностей восприятия (характерных, кстати, и для современности), никак не связанное с количеством продуктов питания на душу населения.

Относительная перенаселенность снималась различными путями. Это и войны, и колонизации, и систематические грабительские набеги, сопровождавшиеся людскими потерями и вместе с тем расширявшие ресурсную базу, и отправка за рубеж больших групп дворянства (как правило, нищего и безземельного), способного с оружием в руках

¹³ Crouzet 2001: 89; Ливи Баччи 2010: 15.

¹⁴ Ливи Баччи 2010: 15.

выступить против власти (крестовые походы, освоение Америки). Большую роль в сокращении населения вплоть до Новейшего времени играли эпидемии и городские пожары. В истории человечества еще не было периода, когда был бы достигнут предел пропитания. Голодные годы не давали адекватной убыли населения. Его рост и сокращение всегда зависели от других факторов. Восстания и революции никак не улучшали ситуацию с едой, и это вполне осознавали уже наши предки: люди искали лучшей жизни в других землях и находили в колонизации или войне. Рост населения и недостаток ресурсов на какой-то территории всегда, по крайней мере до Новейшего времени, приводили к движению народов, к войнам, но не к революциям. Самые известные примеры — арабы, викинги, монголы.

Исследования демографического и экономического состояния предреволюционной Франции (на опыт которой так любят ссылаться сторонники теории, объясняющей революции подобного рода факторами) показывают, что представления о высоком давлении демографии на экономику страны не имеют под собой достаточной доказательной базы. Несмотря на плохой урожай в 1788 г., в 1789-м не было ни голода, ни повышенной смертности¹⁵. Вообще, в истории Европы нет прямой корреляции между неурожайными годами и повышенной смертностью населения (если, конечно, на эти годы не приходились эпидемии)¹⁶. Есть связь между ростом населения и ростом цен на зерно¹⁷, но это не означает существенной нехватки продовольствия и вытекающих отсюда последствий.

Хотя во Франции перед революцией и не было голода, уровень потребления там в связи с двумя годами неурожая действительно упал. Однако ни перед Нидерландской, ни перед Английской, ни перед Американской, ни перед Китайской, ни перед Кубинской революциями такого падения не было. Русская революция также не была вызвана голодом: в стране было достаточно продовольствия, имелись лишь некоторые сложности с доставкой продуктов питания в прифронтовую зону и Петроград. Голодные не бунтуют, голодные борются за существование. Голод в СССР в 1932—1933 гг. не повлек за собой даже сколько-нибудь значительных массовых выступлений против власти, не говоря уже о новой революции. Бунтовавшая в 1920-х — начале 1930-х годов Германия не голодала. То же можно сказать и о «бархатных» и «цветных» революциях.

Дело не в фактическом положении, а в его восприятии. «Голодным годам» обычно сопутствуют панические настроения и резко негативное отношение к торговцам продовольствием и богатым как таковым¹⁸. При этом необходимо учитывать, что оценка приемлемого уровня потребления в разных странах и культурах неодинакова. Ежедневный стол европейского крестьянина Средних веков и Нового времени показался бы праздничным русскому и пиршественным китайскому. Здесь важен не сам факт недоедания, а представления о «норме».

¹⁵ См. *Crouzet 2001*: 92.

¹⁶ См. *Ibid.*: 92—93.

¹⁷ *Ливи Баччи 2010*: 27.

¹⁸ См. *Чеканцева 2012*: 132, 133, 161.

¹⁹ *Ливи Баччи 2010:*
26.

²⁰ *Милов 1998: 384,*
390.

Негативное воздействие роста населения часто связывают с низкой урожайностью — в Европе между 1500 и 1800 г. она составляла от сам-семь до сам-десять¹⁹. Однако в сравнении с Россией, где даже в XIX в. средняя урожайность редко достигала сам-четыре²⁰, подобные показатели выглядят сверхвысокими, и они действительно позволяли европейским странам получать излишек и использовать его для развития. Вообще, содержание понятий «излишек» и «недостаток» определяется не количественными параметрами (если речь не идет об уровне, означающем голод), а отношением к ним. То, что человек Средневековья считал богатой жизнью, сегодня воспринимается как уровень среднего класса и ниже, а того, что в наших глазах выглядит крайней нищетой, было вполне достаточно для людей Средних веков, Нового и даже (для большинства стран) начала Новейшего времени.

Главная ошибка приверженцев теории мальтузианской ловушки и ее роли в социальных потрясениях (при переходе от теоретической модели в практическую и гуманитарную сферу) заключается в том, что мышление человека «общества потребления» приписывается предыдущим эпохам. Такой перенос абсолютно неправомерен. Человек Средневековья и (по большей части) Нового времени воспринимал свой недостаток как данность (данный Богом, трудом и т.д.). Фрустрация начинается тогда, когда твой недостаток уступает достатку представителей релевантных групп, а в Средние века к таковым относились прежде всего жители округи, а потом страны, такие же крестьяне и горожане. Новое время привнесло определенную степень интернационализации и сравнения с положением за пределами страны, но, во-первых, уровень информированности о нем оставался довольно низким, а во-вторых, материальное благосостояние жителей различных европейских государств, принадлежавших к одним и тем же социальным группам, мало отличалось почти до Новейшего времени.

²¹ *Гринин 2010: 214,*
216.

Эту ошибку частично преодолевает концепция «мальтузианско-марксовской», или «мальтузианско-урбанистской», ловушки, которая, в отличие от классической мальтузианской, описывает ситуацию не в доиндустриальных, а индустриализующихся странах²¹ (правда, применительно лишь к XX и XXI вв., то есть при снижении информационных барьеров, широком распространении образцов «модернизации», «успешности», «достатка», «высокого уровня жизни» и наличии опыта развитых государств). Однако и в этой своей модификации анализируемая теория не снимает проблему непрекращающейся цикличности причинно-следственной связи, которая возникает при рассмотрении мальтузианской ловушки не в качестве экономического феномена, а как причины массового социального протеста. После бунта мальтузианская ловушка не исчезает. Иначе говоря, бунт не устраняет свою «причину», а если так, то он должен возникать снова и снова, не прекращаясь до тех пор, пока население не уменьшится настолько, чтобы уровень материального благосостояния на человека снова вырос. Но масштабные и продолжительные смуты (а только они и способны

произвести подобный демографический эффект) ведут к полному упадку экономики, так что уровень материального благосостояния после них должен оказаться существенно ниже, чем был до их начала, что должно породить еще большее недовольство — и новые бунты. Такое развитие событий невозможно даже теоретически и на практике никогда не встречалось.

²² Goldstone 1991: 27, 31.

Для того чтобы понять причинную структуру и природу государственных кризисов, полагает Голдстоун, необходимо выяснить, влияли демографический рост на рост цен и сказывались ли эти изменения на государственных доходах, а также на доходах и условиях занятости населения в целом²². Увеличение численности населения может стимулировать повышение цен на продовольствие (и другие товары), но к тому же ведут неурожайные годы и общая инфляция — на протяженных временных отрезках (которые используются при подобного рода анализе) данный процесс является закономерным вне зависимости от роста или убыли населения. Рост цен и трудности казны чаще всего были следствием иных факторов и/или событий — войн, расточительности, неразумной политики, — причем правители, при которых случались революции, могли унаследовать эти проблемы от своих предшественников. В частности, как справедливо отмечает Алексис де Токвиль, истощение Франции началось еще при Людовике XIV, в период его победоносных войн, i.e. почти за столетие до Французской революции²³. Другими словами, хотя сложно оспаривать, что циклические взаимодействия демографического роста с социальными, экономическими и политическими институтами (особенно при неэластичности последних) могут оказывать влияние на социальную напряженность в обществе, сам демографический фактор не играет здесь самостоятельной роли, а насколько эта роль является определяющей, остается неясным. То есть само по себе увеличение численности населения не ведет автоматически к всплескам социального протеста.

²³ Токвиль 2008: 151.

Впрочем, с точки зрения причинно-следственных связей данное заключение вызывает все те же вопросы, так как социальный протест и смена власти не упраздняли не только мальтузианскую ловушку (если таковая и была), но зачастую и демографическое давление на экономику, социальную и политическую сферы.

²⁴ Кургиян (ред.) 2011: 270; Кортаев, Зинькина 2012: 7; Кортаев 2014: 56—74. См. также Гринин 2010: 214, 216; Кортаев и др. 2017.

Так, если мы обратимся к событиям последних лет и посмотрим на страны, прошедшие через цветные революции или «арабскую весну» (причинами которых многие считают именно указанные обстоятельства²⁴), то увидим, что ни в одной из них протест и смена власти не привели к снижению демографического давления на соответствующие сферы (ситуация с экономикой и благосостоянием стала еще хуже, при том что численность населения не уменьшилась). Тем не менее новых всплеск радикального массового протеста не произошло.

Рассматриваемый подход противоречит и элементарной логике. Ведь если нечто выступает причиной события, оно (самостоятельно или в комплексе с другими факторами) должно присутствовать при каждом

²⁵ Шульц 2014:
385—400.

подобном событии. Между тем анализ совокупности значимых проявлений радикального массового социального протеста от крестьянских войн XV в. до сегодняшнего дня показывает, что далеко не все они возникали в ситуации мальтузианской ловушки и демографического давления. При этом наличие таковых не всегда приводило к протестному взрыву²⁵. И если второе может указывать на то, что для запуска массового социального протеста требуются какие-то сопутствующие факторы, то первое говорит о том, что мальтузианская ловушка и демографическое давление в принципе не могут считаться причинами такого протеста.

Следует особо отметить, что протест, движимый сугубо экономическими целями, редко приобретает радикальные формы. Даже так называемые всеобщие забастовки перерастают в серьезный бунт, только политизируясь, добавляя к экономическим требованиям политические (или подменяя первые вторыми). Кроме того, важно учитывать, что корни экономического протеста уходят в представления о справедливости — о справедливой заработной плате, о справедливой поддержке государством различных социальных групп и т.д. К той же категории относится и борьба крестьян за землю. Земля для крестьян не просто средство производства, это целый комплекс психологических установок, включающих и представление о том, что по справедливости земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

Не случайно в основе идеологии наиболее значимых массовых социальных протестов XV—XVII вв. лежала религия. Так было и в Гуситских войнах (Богемия 1419—1434 гг.), и в движениях, связанных с Реформацией. Под религиозным знаменем проходили и две первые буржуазные революции — Нидерландская и Английская. Религиозная идеология — это идеология избранности и справедливости. Социальные утопии, которыми вдохновлялся социальный протест, были ориентированы не на материальную обеспеченность, а на справедливость. «Экономические» утопии Шарля Фурье и Роберта Оуэна в этой роли не выступали. Лозунги Французской революции (свобода, равенство и братство) тоже имели прямое отношение к социальной справедливости. Соответствующий принцип лежал в основе и национально-освободительных революций. Первой социальной утопией, ставившей во главу угла достаток, которая смогла утвердиться в качестве идеологии протеста, стала марксистская версия коммунистической идеи, во многом определившая облик протестного движения в XX столетии. То есть вплоть до XX в. рост благосостояния (особенно в плане значительного превышения реально существующего уровня) никогда не был главной целью социального протеста. Но и в марксистских революциях речь шла в первую очередь о более справедливом обществе, в том числе с точки зрения распределения материальных благ. Так же обстоит дело и в наши дни.

²⁶ См. Васильев,
Петров 2012: 26.

Египетские «революционеры» 2011 г., по их собственным словам, рассчитывали вернуть в страну десятки миллиардов долларов, выведенных за рубеж коррупционерами²⁶. Во время событий начала 2014 г.

на Украине активно муссировалась тема коррупции и необходимости расследования трат действующего президента. С одной стороны, мы сталкиваемся здесь с наивной верой масс в панацею, позволяющие с ходу решить все проблемы, и их склонностью к переносу причинности из обыденности с ее экономическими кризисами и ресурсными возможностями государства в сказочную реальность (вера в то, что где-то спрятаны громадные средства, которые можно получить и — в идеале — поделить, по сути, мало чем отличается от веры в скрываемую от народа грамоту о воле или земле). С другой стороны, речь идет о популистских лозунгах, которые в силу указанных особенностей массового сознания использовались на протяжении практически всей истории человеческой цивилизации. Наличие силы, задействующей эти лозунги в политических целях, имеет определяющее значение для разогревания бунта, так как сами подобного рода установки вновь и вновь актуализируются в массовом сознании с каждым неблагоприятным периодом.

Причины возникновения социального протеста, особенно его радикальных и массовых форм, скорее всего, кроются не в экономике, а в психологии, что, собственно, и делает протест удобным объектом для политических технологий. На наш взгляд, данное заключение имеет существенное значение с точки зрения дальнейшего изучения социальных протестов. Первенство «психологии» позволяет объяснить те случаи радикальных массовых протестов, которые с трудом поддаются (или не поддаются вообще) объяснению через «экономику» и «демографию», и дает ключ к пониманию того, почему люди участвуют в протестных акциях, хотя это грозит им материальными потерями, снижением уровня жизни, а то и физическим насилием или даже смертью. Наиболее сильные психологические установки для проявления протеста — это комплексы проблем, связанных с понятиями «свобода» и «справедливость», а также «утопия» (построение лучшего — более справедливого, богатого, свободного и т.д. — общества), «национализм» и «интернационализм»²⁷.

²⁷ См. Шульц 2015.

Важная деталь: к протесту приводит не само по себе ухудшение материального положения (воспринимаемое как несправедливость), а убеждение в том, что в таком ухудшении повинна действующая власть, и неверие в ее способность решить проблему. Падение уровня жизни, даже значительное, не вызовет взрыва протеста, если вина за такой поворот событий будет возлагаться на экономический кризис, сторонние силы, а не на власть. То же относится и к другим классическим причинам и поводам, с которыми принято связывать протест. В странах с развитой демократией даже при наличии первых двух факторов (ощущения несправедливости и возложения вины за нее на действующую власть), как правило, отсутствует третий, поскольку сомнения в способности действующей власти справиться с ситуацией компенсируются верой в возможность сменить ее на ближайших выборах. Таким образом, хотя ухудшение материального положения, падение благосостояния, давление демографии и т.д. могут создать базу для

радикального массового протеста и стать своеобразным спусковым крючком для протестных выступлений, чтобы они начались, требуются дополнительные условия (сопутствующие факторы).

Библиография

- Бодрийяр Ж.** 2006. *Общество потребления: Его мифы и структуры*. — М.: Республика, Культурная революция.
- Васильев А.М., Петров Н.И.** 2012. *Рецепты арабской весны: Русская версия*. — М.: Алгоритм.
- Гринин Л.Е.** 2010. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции // Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. (ред.) *О причинах Русской революции*. — М.: ЛКИ/URSS. С. 198—224.
- Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Гусев В.А., Коротаев А.В.** 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из мальтузианской ловушки // Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (ред.) *История и математика: процессы и модели*. — М.: URSS. С. 134—210.
- Кларк Г.** 2012. *Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Коротаев А.В.** 2003. *Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции*. — М.: Восточная литература.
- Коротаев А.В.** 2014. О возможных экономико-психологических факторах Украинской революции 2014 года // *Историческая психология и социология истории*. № 1. С. 56—74.
- Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р.** 2017. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования (Кросс-национальный анализ) // *Полития*. № 1 (84). С. 127—143.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.** 2012. Вместо предисловия // Исаев Л.М., Шишкина А.Р. *Египетская смута XXI века*. — М.: URSS. С. 4—15.
- Кургинян С.** (ред.) 2011. *Политическое цунами: Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке*. — М.: МОФ ЭТЦ.
- Ливи Баччи М.** 2010. *Демографическая история Европы*. — СПб.: Александрия.
- Мальгус Т.-Р.** 1895. *Опыт закона о народонаселении*. — М.: К.Т.Солдатенков.
- Милов Л.В.** 1998. *Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса*. — М.: РОССПЭН.
- Нефедов С.А.** 2010. *История России: Факторный анализ. Т. 1: С древнейших времен до великой Смуты*. — М.: Территория будущего.
- Токвиль А.** 2008. *Старый порядок и революция*. — СПб.: Алетейя.
- Чеканцева З.А.** 2012. *Порядок и беспорядок: Протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией*. — М.: Либроком.
- Шульц Э.Э.** 2014. *Технологии бунта: Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте*. — М.: Подольская фабрика офсетной печати.

Шульц Э.Э. 2015. «Утопия», «национализм» и «интернационализм» как основа радикальных массовых форм социального протеста // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. № 1. С. 35—43.

Шульц Э.Э. 2016. *Теория революции: Революции и современные цивилизации*. — М.: Ленанд.

Abel W. 1934. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // *Schmollers Jahrbücher*. № 58.

Abel W. 1935. *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13 bis zum 19 Jahrhundert*. — Berlin: Parey.

Crouzet F. 2001. *A History of the European Economy, 1000—2000*. — Charlottesville, L.: University Press of Virginia.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkeley: University of California Press.

Goldstone J. 2010. The New Population Bomb: The Four Megatrends that Will Change the World // *Foreign Affairs*. Vol. 89. № 1. P. 31—43.

Turchin P., Korotayev A. 2006. Population Dynamics and Internal Warfare: A Reconsideration // *Social Evolution & History*. Vol. 5. № 2. P. 112—147.

References

Abel W. 1934. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // *Schmollers Jahrbücher*. № 58.

Abel W. 1935. *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13 bis zum 19 Jahrhundert*. — Berlin: Parey.

Baudrillard J. 2006. *Obshchestvo potreblenija: Ego mify i struktury*. — М.: Respublika, Kul'turnaja revoljucija.

Chekantseva Z.A. 2012. *Porjadok i besporjadok: Protestujushhaja tolpa vo Francii mezhdou Frondoj i revoljuciej*. — М.: Librokom.

Clark G. 2012. *Proshhaj, nishheta! Kratkaja ekonomicheskaja istorija mira*. — М.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.

Crouzet F. 2001. *A History of the European Economy, 1000—2000*. — Charlottesville, L.: University Press of Virginia.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkeley: University of California Press.

Goldstone J. 2010. The New Population Bomb: The Four Megatrends that Will Change the World // *Foreign Affairs*. Vol. 89. № 1. P. 31—43.

Grinin L.E. 2010. Mal'tuziansko-marksova «lovushka» i russkie revoljucii // Grinin L.E., Korotayev A.V., Malkov S.J. (eds.) *O prichinah Russkoj revoljucii*. — М.: LKI/URSS. S. 198—224.

Grinin L.E., Malkov S.J., Gusev V.A., Korotayev A.V. 2009. Nekotorye vozmozhnye napravlenija razvitija teorii social'no-demograficheskikh ciklov i matematicheskie modeli vyhoda iz mal'tuzianskoj lovushki // Malkov S.J., Grinin L.E., Korotayev A.V. (eds.) *Istorija i matematika: processy i modeli*. — М.: URSS. S. 134—210.

- Korotaev** A.V. 2003. *Social'naja evolucija: Faktory, zakonomernosti, tendencii*. — M.: Vostochnaja literatura.
- Korotaev** A.V. 2014. O vozmozhnyh ekonomiko-psihologicheskikh faktorah Ukrainskoj revoljucii 2014 goda // *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*. № 1. S. 56—74.
- Korotaev** A.V., Bilyuga S.J., Shishkina A.R. 2017. VVP na dushu naselenija, intensivnost' antipravitel'stvennyh demonstracij i uroven' obrazovanija (Kross-nacional'nyj analiz) // *Politeia*. № 1 (84). S. 127—143.
- Korotaev** A.V., Zin'kina J.V. 2012. Vmesto predislovija // Isaev L.M., Shishkina A.R. *Egipetskaja smuta XXI veka*. — M.: URSS. S. 4—15.
- Kurginyan** S. (ed.) 2011. *Politicheskoe tsunami: Analitika sobytij v Severnoj Afrike i na Blizhnem Vostoke*. — M.: MOF ETC.
- Livi Bacci** M. 2010. *Demograficheskaja istorija Evropy*. — SPb.: Aleksandrija.
- Malthus** Th.R. 1895. *Opyt zakona o narodonaselenii*. — M.: K.T.Soldatenkov.
- Milov** L.V. 1998. *Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa*. — M.: ROSSPEN.
- Nefedov** S.A. 2010. *Istorija Rossii: Faktornyj analiz. T. 1: S drevnejshih vremen do velikoj Smuty*. — M.: Territorija budushhego.
- Schultz** E.E. 2014. *Tehnologii bunta: Tehnologii upravlenija radikal'nymi formami social'nogo protesta v politicheskom kontekste*. — M.: Podol'skaja fabrika ofsetnoj pechati.
- Schultz** E.E. 2015. «Utopia», «nacionalizm» i «internacionalizm» kak osnova radikal'nyh massovyh form social'nogo protesta // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seria «Gumanitarnye i social'nye nauki»*. № 1. S. 35—43.
- Schultz** E.E. 2016. *Teorija revoljucii: Revoljucii i sovremennye civilizacii*. — M.: Lenand.
- Tocqueville** A. 2008. *Staryj porjadok i revoljucija*. — SPb.: Aletheia.
- Turchin** P., Korotayev A. 2006. Population Dynamics and Internal Warfare: A Reconsideration // *Social Evolution & History*. Vol. 5. № 2. P. 112—147.
- Vasilyev** A.M., Petrov N.I. 2012. *Recepty arabskoj vesny: Russkaja versija*. — M.: Algoritm.